

Она утверждается двояко: объектомъ оцѣнки (философія Соловьева) и самымъ критеріемъ цѣнности (философія Е. Трубецкого). Это двойное утвержденіе идеи и, отсюда, философіи трансцендентнаго—придаетъ изслѣдованію кн. Е. Трубецкого особенное, исключительное значеніе. Вѣдь, со времени Канта идея трансцендентнаго въ „немилости“ И философія, какъ имманентная философія, сама по себѣ—неорганическая философія. Органическая философія—философія трансцендентнаго, какъ бого-человѣческаго. Мы, оставили въ сторонѣ сложный вопросъ—на сколько цѣнно изслѣдованіе Е. Трубецкого, какъ собственно-историческое—это покажетъ будущее,—но во всякомъ случаѣ въ изслѣдованіи чрезъ прямое и косвенное утвержденіе идеи трансцендентнаго чувствуется истинная *философія*.

С. Голованенко.

II.

Г. Тейхмюллеръ. Дѣйствительный и кажущійся міръ. Новое обоснованіе метафизики. Переводъ съ нѣмецкаго Я. Красникова. Казань—1913 г.

Идея „ничто“ мучила и мучить человѣческое сознаніе: страшна смерть... Можетъ быть, небытія нѣтъ и смерть только *кажется*? Тейхмюллеръ пытается отвѣтить на эти вопросы своей „новой метафизикой“...

Существуетъ только „дѣйствительный“ міръ: бытіе идеальное (Was), реальное (Dass) и субстанціальное (идеаль-реальное, я). Смерти, какого-то абсолютнаго небытія—вовсе нѣтъ.

Такъ какъ бытіе органично, то отдѣльно-взятому члену чего-то недостаетъ: онъ обусловленъ цѣлымъ, *есть* въ цѣломъ. Изъ этого недочета, лишенія, которые на самомъ дѣлѣ являются отрицательными опредѣленіями положительнаго бытія, рождается идея относительнаго „ничто“. Какъ бы-то ни было—вопросъ Тейхмюллеромъ не рѣшенъ, а скрытъ: смерть таится въ самой жизни. Если „дѣйствительный“ міръ—подлинно - единое, органически - цѣлое, то откуда лишеніе? Значитъ, въ бытіи есть какія-то чужеродныя пленки.

Замѣна абсолютнаго не-бытія относительнымъ не угашаетъ мучительности страха смерти: призракъ смерти, правда, уже не *обнимаетъ* бытіе, а какъ-бы расплывшись, то тамъ, то

самъ *залегаютъ* въ немъ. Согласимся, что нѣтъ абсолютнаго ничто, а—относительное? Оно, по Тейхмюллеру, „миръ кажущійся“, тотъ же „дѣйствительный“ миръ, но подъ формами—пространства, времени и движенія. Это онѣ рождаютъ относительное ничто. Откуда у нихъ сила рождающая? Если изъ „кажущагося“ міра,—то кто такіе эти отцы и въ то же время дѣти таинственнаго? „кажется“? Природа пространства, времени и движенія—природа міра „дѣйствительнаго“ непространственная, внѣвременная, неподвижная. Нужно, по Тейхмюллеру, отличать пространство и протяженіе, время и продолжительность. Только протяженіе и продолжительность относятся къ міру кажущемуся, къ міру количественныхъ величинъ... Опять вопросъ лишь скрывается. Остается количество, какъ причина относительнаго ничто. Что оно такое? Оно только „кажется“?... Но, вѣдь, количество пронизало качественное бытіе, замѣтно и незамѣтно изранило его. Если это пораненіе—„такъ себѣ“, нестойтъ вниманія,—то, все-таки, чтѣ оно и откуда оно? Какъ бы мы не углублялись въ проблему бытія мыслю—мы можемъ сдѣлать два вывода. 1) Миръ лишь внѣшне неупорядоченъ. Отсюда—временное „кажется“, временная и пустяшная разница между онтологическимъ и феноменологическимъ. 2) Миръ—болѣзнененъ, съ какою-то раною... Тогда—подлинно естъ не-бытіе, царить смерть и будетъ смерть вѣчная. Тогда между „дѣйствительнымъ“ и „кажущимся“ естъ разрывъ.

Въ метафизикѣ Тейхмюллера вовсе не чувствуется, что за „кажется“ кроется онтологическій разрывъ, онтологическое потемнѣніе. Поэтому такъ безболѣзненно (и мнимо) побѣждается *ничто*, смерть. Вѣдь, смерть—въ завершеніе совсѣмъ обнаженная, оказывается лишь субъективнымъ, лишь нашимъ человѣческимъ... Какъ будто бы не—здѣсь только и отчетливѣй и страшнѣй жало смерти, жало ничто. Конечно, не здѣсь, потому что субъективное, кажущееся уравнивается Тейхмюллеромъ съ не-знаніемъ. Лѣкарство—въ точномъ мышленіи; значить, если можно говорить о болѣзни, то лишь о болѣзни мышленія. Въ итогѣ—кажущееся, ничто, смерть—коренятся въ не-знаніи. Знаніе—побѣдитъ смерть. Нѣтъ мировой раны, мирового надлома. Все—вѣчно, иначе говоря, все обстоитъ благополучно. Кажущійся миръ самъ только „кажется“.

Эти холодящие тона рационализма унаследованы от Канта: въ системѣ Тейхмюллера—глубокіе слѣды борьбы съ Кантомъ за возможность метафизики. Если для Канта ноуменальное—совсѣмъ другое, чѣмъ явленіе, почти кажущееся, то для Тейхмюллера—ноуменальное совсѣмъ то же, что и феноменальное: разница—„кажется“. Тейхмюллеръ—при помощи Шеллинга—оттолкнулся отъ Канта, но былъ увлеченъ въ другую крайность тѣмъ же духомъ кантіанства.

Однако, самое желаніе Тейхмюллера уйти отъ путъ гносеологіи и кое-какія попытки освободиться отъ кантіанства—глубоко-интересны, а для нашего времени, когда не только философія, но и богословіе, заражены недугомъ кантіанства—глубоко-поучительны.

С. Голованенко.

III.

Тейхмюль Шорэ, капелланъ англійской королевы. Въ царскомъ саду. (Бесѣды съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности). Съ нѣмецкаго изданія пер. магистръ богословіи Н. П. Розановъ. М. 1913 г. 40 к. 102 стр.

Предлагаемыя читателямъ бесѣды составлены другомъ покойнаго англійскаго короля Эдуарда, законоучителемъ его дѣтей, пасторомъ Шорэ. Это восемнадцать небольшихъ проповѣдей, въ которыхъ почти всегда очень удачно выбрана тема, интересно выработанъ планъ и хорошій образный языкъ. Историческіе эпизоды, легенды и примѣры изъ современной жизни оживляютъ изложеніе и дѣлаютъ его вполне доступнымъ для дѣтей 10—14 лѣтъ. Темы этихъ проповѣдей слѣдующія: 1. Уподобленіе души человѣческой саду, необходимость культуры, Божественный садовникъ и наши обязанности къ нему. 2. Значеніе мечты, идеала въ жизни человѣка, необходимость усилій и труда. 3. Подвигъ вѣры, вѣра въ повседневной жизни, Христофоръ Колумбъ и его вѣра въ новый материкъ. 4. Чему учать насъ цвѣты—ихъ кротость, невинность и польза отъ нихъ. 5. Роль среднихъ людей. 6. Поучительность жизни Лота—своекорыстный выборъ въ началѣ, медлительность въ избѣжаніи опасности, печальная и позорная старость. 7. Важность примѣра и послушанія. 8. Путь добра и путь зла. Какимъ образомъ человѣкъ незамѣтно утверждаетъ на пути зла. 9. Единодушіе въ